

АРХИМАГ

КНИГА ПЕРВАЯ. РОЖДЕНИЕ

18+

Максим Максименко
Архимаг. Рождение

«Автор»

2026

Максименко М. В.

Архимаг. Рождение / М. В. Максименко — «Автор», 2026

Девяностые. Обычная школа, обычный двор и правила, по которым слабому остаётся только не попадаться сильным на глаза. Дмитрий всегда знал своё место в этом мире. Но однажды привычные правила перестали работать. Опасность словно начала отступать перед ним, случайности — становиться слишком своевременными, а вещи — подчиняться его воле. Теперь ему предстоит понять, кто он и что с ним происходит. И постараться сохранить это в тайне — потому что внимание окружающих может оказаться опаснее тех, кого он ещё недавно боялся. Эта вселенная появилась не как замысел одной книги. Долгое время она существовала только в моей голове, постепенно обрастая мирами, героями и собственными законами. Начать я решил с истории Дмитрия — с мира, который нам привычен, и с человека, которому ещё только предстоит стать частью чего-то большего. В какой-то момент я осознал, что эта вселенная не должна исчезнуть вместе с моей головой. Так появилась первая книга — и решение наконец поделиться ею с другими.

© Максименко М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Максим Максименко

Архимаг. Рождение

Пролог

Он шел вперед... Каждый шаг отдавался чередой ощущений: утрата, воспоминание, горечь, разлука, надежда. Шаг... Место, бывшее ему домом, оставалось позади навсегда. Шаг... Сила, жившая в его душе - исчезала. Накатила глухая тоска и чувство безысходности, словно теряешь близкого, родного человека. В каком-то смысле, так оно и было - он терял себя. Шаг... Сила, наполнявшая тело - рассеивалась. Плечи сгорбились, принимая на себя тяжесть прожитых лет, шаги стали тяжелее. Шаг... Даже посох, его верный спутник - рассыпается в пыль, теряя силу. Он снял со спины сучковатую палку, чтобы опереться о неё - предвидел, что посох, который прошел с ним так много, тоже останется в прошлом. Шаг... Пустота, будто небесный кракен, запустила щупальца в память и ворошит её.

Вот детство: хижина лесоруба и тяжкая работа вместо детства. Его отец зарабатывал на жизнь тем, что собирал валежник в лесу. Жили впроголодь и приходилось трудиться, чтобы выжить.

Вот юность: интернат при Ордене - учеба и дисциплина. Его забрали из семьи, едва исполнилось семь лет. Магистр совершенно случайно обратил на него свой благородный взор и увидел потенциал. Порядки в интернате были очень суровыми, но наука давалась легко, а осознание того, что его семья получила довольствие и квартиру в цитадели Ордена, заставляло его проявлять небывалое усердие.

А вот зрелость: сражения и смерть. Быть бы ему ученым при университете Ордена, писать ученые трактаты да обучать студиязусов, но нет - из-за рубежей пришла война и мрак. Варвары, уничтожающие все то, что так трепетно лелеяла и приумножала страна. Пришлось молодому магистру оставить уютные стены цитадели и замарать душу в крови и боли.

Видения прошлого начали отступать - постепенно пустота заполнялась. Появлялись проблески чего-то нового, яркого и незнакомого. Пробивались звуки, резкие, злые, что-то смутно напоминающие.

Утратив многое, почти все - он завершил путь, который разум отказывался воспринимать.

От резкого и злого солнца глаза залили слезы, по ушам ударил drobный грохот, тело дернулось. Он с удивлением почувствовал то, чего не чувствовал, казалось, целую вечность - боль. Пальцы рефлекторно пробежались по палке, заменившей ему посох, но не нашли там того, что искали. Земля ушла из-под ног и он упал, осознавая, что умирает. Последнее, что он увидел - была кровь, которая пропитывала его прекрасную и строгую мантию магистра и почувствовал сожаление...

Глава 1

— Дима! Домой пора!

Голос тёти Зины пронёсся над двором, ударился о стены панельных девятиэтажек и затих среди хлопающих дверей подъездов, скрипа старых качелей и далёкого собачьего лая. Ответа не было.

— Маринка, ты Диму не видела?

Девчонка на качелях перестала отталкиваться ногой от вытопанной земли и охотно прокричала:

— Видела! Он на стройку побежал!

— Опять на эту стройку... Вот паразит.

Дима этого уже не слышал. Он давно миновал гаражи, пересёк пустырь и пролез через знакомый пролом в бетонном заборе.

Микрорайон заканчивался почти сразу за последним рядом домов. Дальше начиналась ничья земля — несколько огромных пустырей, разделённых грунтовыми дорогами, тепло-трассой и длинными рядами гаражей. Ещё недавно здесь собирались построить новые кварталы. Успели вырыть котлованы, забить сваи и поднять несколько бетонных коробок, а потом стройка остановилась. Из неё исчезли рабочие, краны и грузовики, но остались груды плит, ржавеющие трубы и дома без крыш, окон и лестничных ограждений.

За несколько лет пустыри заросли бурьяном выше человеческого роста. В котлованах скапливалась зелёная вода, между плитами пробивались молодые деревца, а разбросанные кабельные катушки постепенно растаскивали на дрова. Взрослые ходили сюда с тележками за кирпичом и металлом, подростки курили в подвалах, а пацаны помладше лазили по этажам и устраивали штабы в комнатах, которые никогда не стали квартирами.

Для Димки стройка давно сделалась продолжением двора — только просторнее и гораздо интереснее. Здесь можно было искать среди мусора цветные стёкла и непонятные железки, ходить по узким бетонным балкам, смотреть с верхних этажей на весь микрорайон или просто сидеть в одиночестве. Дома всегда кто-нибудь звал, спрашивал или требовал не мешаться под ногами. Во дворе обязательно находился тот, кому хотелось показать перед остальными, какой он крутой. На стройке же можно было забраться достаточно далеко, чтобы о тебе на несколько часов забыли.

Днём здесь ещё крутились пацаны, но к вечеру недостроенные дома пустели. Ветер начал гудеть в чёрных оконных проёмах, где-то размеренно стучал незакреплённый лист жести, а голые этажи один за другим растворялись в сумерках. Других эта тишина пугала. Диме она нравилась.

Сам он нравился далеко не всем, но давно перестал считать это своей проблемой.

Он был выше многих одноклассников и крепче, чем казался со стороны. Постоянные походы на стройку развили в нём цепкость и осторожность: он легко подтягивался на бетонных перекрытиях, мог долго бежать, не сбивая дыхания, и почти никогда не падал там, где другой поскользнулся бы или не удержал равновесия. Но драться Дима не любил и спортивных подвигов не совершал, поэтому в школе его считали если не слабым, то каким-то неопределённым. Сильным признавали того, кто свою силу регулярно демонстрировал. Желательно — на ком-нибудь другом.

Димка был умнее большинства ребят, хотя сам определил бы это иначе. Он просто быстрее понимал некоторые вещи и слишком часто замечал то, чего предпочитали не замечать остальные. На уроках ему порой хватало нескольких минут, чтобы разобраться в новой теме, после чего мысли начинали блуждать сами по себе. Учителя принимали это за невниматель-

ность. Одноклассники — за тормознутость. Объяснить им разницу было невозможно, да он и не пытался.

Взрослые вообще странно понимали детский ум. Умным считался ребёнок, который получал пятёрки, не спорил и вовремя произносил то, что от него хотели услышать. Если же ребёнок задавал лишние вопросы, замечал противоречия или не соглашался с очевидной глупостью, ум куда-то исчезал. Вместо него появлялись «трудный характер», «невоспитанность» и обязательное обещание поговорить с родителями.

Среди сверстников всё было ещё проще. Ум мог принести пользу, если требовалось дать списать контрольную, придумать надёжную отговорку или починить магнитофон. Сам по себе он ничего не значил. Двор уважал другие качества: громкий голос, готовность первым ударить и наличие старшего брата, которого можно было позвать, если первый удар оказался неудачным.

Когда-то Дима пытался доказывать, что прав. Потом заметил, что правота и победа вообще редко связаны между собой. Можно было привести десять разумных доводов и всё равно получить по шее от человека, у которого не нашлось ни одного. После этого спор обычно считался законченным, причём победителем объявляли не того, кто оказался прав.

Это открытие не сделало его трусом - оно сделало его молчаливым.

Дима разговаривал, когда было что сказать, отвечал на вопросы и иногда даже шутил, но почти никогда не рассказывал о том, что действительно его занимало. Не потому, что вокруг не было хороших людей. Просто любое объяснение требовало доверия, а доверять он пока никому особенно не научился. Взрослые выслушивали вполуха и торопились дать простой совет. Сверстники могли превратить любое признание в кличку или повод для насмешки. Постепенно он привык оставлять мысли при себе.

Со стороны это выглядело замкнутостью. Возможно, так оно и было.

Одиночество его не тяготило. Во всяком случае, Димка привык так считать. Здесь, среди брошенных домов, никто не требовал соответствовать непонятным правилам. Бетонной плите было безразлично, насколько уверенно ты говоришь. Ржавой лестнице — сколько у тебя друзей. Если ты неверно ставил ногу, то падал независимо от своего положения во дворе. Если выбирал правильную опору — удерживался.

Стройка была опасным местом, но, хотя бы, честным.

Наверное, именно поэтому Дима возвращался сюда почти каждый день.

Он сидел на бетонной трубе возле крайнего дома и ковырял носком кеда щебень, когда со стороны гаражей донеслись голоса.

Сначала Дима даже не насторожился. На стройку часто приезжали какие-то мужики: вытаскивали металл, грузили в машины уцелевшие доски или просто пили водку подальше от дома. Иногда они орали друг на друга, иногда дрались, и во всё это лучше было не лезть. Он уже собирался уйти вглубь стройки, но один из голосов дрогнул так сильно, что Димка невольно прислушался.

— Я отдам. Клянусь, отдам. Дайте ещё неделю.

В ответ кто-то сказал несколько слов — тихо, почти спокойно. Разобрать их Дима не сумел.

Любопытство пересилило осторожность. Он соскользнул с трубы, пригнулся и пробрался между бетонными блоками к расчищенному пятачку возле гаражей. Отсюда голоса были слышны отчётливо, а сам он оставался скрыт грудой плит.

На пятачке стояли четверо мужчин. Двое носили длинные чёрные кожаные куртки, ещё двое держались чуть позади. У одного на плече висел автомат. Рядом с ними на коленях стояли два человека в тёмных костюмах.

Один выглядел так, как обычно выглядели мужчины, выходявшие из новых иномарок возле рынка: чистое пальто, белая рубашка, блестящие туфли. Он тяжело дышал и непрерывно

вытирал платком мокрое лицо. Второй сидел, опустив голову. Его костюм был мятым и словно чужим: пиджак висел мешком, брюки собирались складками над грязными ботинками. Дима решил, что человека уже били.

Мужчина в кожаной куртке посмотрел на того, который вытирал лицо.

— Смотри внимательно.

Он снял автомат с плеча и шагнул ко второму пленнику.

Тот поднял голову. На мгновение Димка увидел заросшее серой щетиной лицо и совершенно непонимающий взгляд. Человек, кажется, хотел что-то спросить, но не успел.

Короткий глухой хлопок ударил между бетонных стен.

Дима вздрогнул всем телом и едва не вскрикнул. Мужчина в плохо сидящем костюме дёрнулся, завалился набок и остался лежать на щебне. Под его головой быстро расплзлось тёмное пятно.

Первый пленник тихо застонал и закрыл лицо руками.

— Видел? — спросил человек с автоматом. — Через неделю денег не будет — сам так ляжешь.

Мужчина торопливо закивал. Кажется, он пытался что-то говорить, обещал достать деньги, продать товар или квартиру, но слова слипались и почти не были слышны. Один из бандитов рывком поднял его на ноги и подтолкнул к чёрной машине, стоявшей возле гаражей. Остальные неторопливо двинулись следом.

Мальчик не мог отвести взгляд от лежащего человека.

Он уже видел мёртвых. Несколько лет назад у соседнего подъезда хоронили старуху, и взрослые зачем-то оставили гроб открытым. Но там всё было понятно и правильно: цветы, тихие разговоры, заплаканные родственники. Старуха лежала неподвижно и походила на восковую куклу.

Здесь человек только что смотрел по сторонам, дышал и пытался понять, зачем его поставили на колени. Теперь его не было. Осталось тяжёлое тело в мятом костюме, неудобно повернувшаяся рука и кровь, уходящая между камнями.

Дима смотрел на него и никак не мог осознать простую вещь: несколько секунд назад этот человек был жив, а теперь уже никогда не поднимется. Никогда не поправит рукав и не вытрет ладонью заросший подбородок. Никогда даже не узнает, за что его убили.

Хлопнула автомобильная дверца. Двигатель негромко заурчал, и машина покатила к выезду со стройки. Двое бандитов остались. Они подождали, пока красные огни скроются за гаражами, затем подошли к телу.

— Слышь, Косяк, а нахрена вообще было бомжа валить? — спросил один, берясь за ноги убитого.

— А тебе не похрен? — отозвался второй. — Зато этот теперь землю жрать будет, но бабки найдёт.

Только тогда Дима понял, что именно увидел.

Человек в мятом костюме не был никаким должником. Его подобрали где-то на улице, переодели и привезли сюда только затем, чтобы другого убийством. Возможно, бомжу пообещали денег или выпивку. Возможно, он до самого выстрела не понимал, что происходит. Его убили не за долг, не из мести и даже не потому, что он кому-то мешал. Просто понадобился труп, а этот человек оказался никому не нужен.

От этого стало страшнее, чем от самого выстрела.

Бандиты поволокли тело прямо мимо бетонного блока, за которым прятался Димка. Голова мертвеца глухо подпрыгивала на щебне и обломках кирпича. Один раз рука зацепилась за торчащий кусок арматуры, но Косяк раздражённо дёрнул тело дальше.

Димка прижался спиной к холодному бетону и зажал рот ладонью. Его трясло. Хотелось вскочить и бежать, но ноги не слушались, а каждый вдох казался слишком громким.

Мужики приближались.

Он заставил себя оторваться от блока и медленно пополз назад, перенося вес с ладони на ладонь и стараясь не задевать валявшийся под ногами мусор. До угла оставалось всего несколько шагов. За ним можно будет подняться, развернуться и уйти между плитами. Они даже не поймут, что здесь кто-то был.

Под кедом предательски хрустнул осколок стекла.

Оба бандита остановились.

На несколько секунд стройка замолчала. Даже лист жести наверху, словно назло, перестал хлопать.

— Ты слышал? — спросил один.

Косяк отпустил ноги мертвеца и медленно повернул голову.

— Там кто-то есть.

Димка вскочил и рванул прочь.

— Стоять!

— Лови его!

Он нёсся между бетонных плит, перепрыгивал канавы и скользил на мокром щебне. Ветки бурьяна хлестали по лицу, в груди сразу закололо, но Димка не чувствовал боли. Сзади грохотали тяжёлые шаги, раздавался мат. Один из преследователей требовал, чтобы он остановился, будто после этого с ним можно было о чём-то договориться.

Парень знал стройку лучше их. Он проскочил между двумя покосившимися плитами, перепрыгнул узкую траншею и вылетел к пролому в заборе. Взрослые мужики быстро начали отставать, но от этого не становилось легче. У одного из них был автомат.

Выстрела Дима ждал на каждом шагу.

Он выбрался со стройки, промчался мимо гаражей и пересёк пустырь по едва заметной тропинке. Впереди уже загорались окна первых домов. Во дворе кто-то возился с машиной, женщины разговаривали возле подъезда, на лавке стучали костяшками домино. Обычная жизнь была совсем рядом, и от этого появлялась надежда, что там, среди людей, его не посмеют тронуть.

Только возле первой девятиэтажки Дима рискнул обернуться.

Бандиты больше не бежали. Они стояли у гаражей и смотрели ему вслед. Один что-то сказал другому, затем поднял руку и показал в сторону домов.

Димка проследил за этим движением и впервые подумал, что они уже знают главное.

Они видели, где он живёт.

Глава 2

Ночью он почти не спал. Стоило закрыть глаза, и снова вспыхивал короткий огонь у дула автомата. Человек в плохо сидящем костюме валился на щебень, а его голова подпрыгивала на битом кирпиче, пока двое в кожанках тащили тело в темноту стройки.

К этому примешивались подробности, которых Дима почти наверняка не видел. Мертвец вдруг открывал глаза, потом его лицо менялось, становилось лицом отца или почему-то самого Димы, и мальчишка просыпался, судорожно вцепившись пальцами в одеяло.

После третьего раза он перестал пытаться уснуть.

За окном иногда проезжали машины. Свет фар медленно ползал по выцветшим обоям, поднимался по шкафу с облупившимся лаком и на несколько секунд оживлял узоры старого ковра. Каждый раз казалось, что машина остановится возле подъезда, хлопнут дверцы и снизу донесутся знакомые голоса.

Но машины проезжали мимо.

В подъезде тоже продолжалась обычная жизнь. Возвращались поздние гости, кто-то поднимался по лестнице, на каждом этаже зажигая свет коротким нажатием кнопки. Сверху орал телевизор, хлопала дверь лифта, пьяный сосед с пятого этажа ругался с женой. Раньше Дима почти не замечал этих звуков. Теперь каждому приходилось подбирать безопасное объяснение. Загудел лифт — значит, сосед возвращается домой. На лестнице слышались тяжёлые шаги — пьяный с пятого этажа опять забыл ключи. Хлопнула подъездная дверь — кто-то вышел покурить. Во дворе заработал двигатель — машина уезжает, а не приехала за ним.

Объяснения находились всегда. Главное — успеть придумать их раньше, чем страх предложит своё.

Под утро страх немного отступил, оставив после себя тяжёлую усталость. Тогда начало казаться, что ничего страшного на стройке не произошло. Возможно, автомат был ненастоящим, выстрел оказался холостым, а человек просто упал. Взрослые зачем-то устроили дурацкий спектакль, потом утащили актёра, а Дима от испуга додумал всё остальное.

Объяснение было нелепым, но нормальный мир вообще держался на множестве нелепых объяснений. Главное, чтобы среди них не было настоящего убийства.

На кухне пахло жареным хлебом и крепким чаем. Мать стояла у плиты в старом халате, сонная и раздражённая. Радио бубнило про инфляцию, шахтёров и очередную задержку зарплат. В ванной шипела вода и жужжала отцовская электробритва. За стеной соседи собирали ребёнка в детский сад, во дворе прогревалась машина.

Мир почему-то не изменился после того, как в нём убили человека.

Это пугало сильнее, чем если бы утром завывли сирены, приехала милиция и взрослые заговорили вполголоса. Тогда случившееся хотя бы заняло бы положенное ему место. Но никто не знал, что на пустыре лежал труп. Никто не искал убийц. Мать сердито снимала со сковороды гренки, отец брился, люди спешили на работу, словно всё происходило именно так, как и должно.

— Ты чего не ешь? — спросила мать.

Дима понял, что уже несколько минут смотрит на остывающий чай.

— Не хочется.

— А вчера по стройке бегать хотелось. Собирайся давай, опоздаешь.

Он хотел рассказать ей всё. Достаточно было произнести несколько слов: мужчины, автомат, убийство. Мать перестала бы сердиться, позвала отца, а дальше взрослые непременно придумали бы, как следует поступить.

Именно это его остановило.

Отец пошёл бы в милицию. Мать рассказала бы соседке. Соседка — ещё кому-нибудь. А те двое видели, в какую сторону он убежал. Если они начнут спрашивать во дворах, то очень скоро узнают и дом, и школу, и даже номер квартиры. Взрослые почему-то были уверены, что опасность исчезает, как только о ней сообщают другому взрослому. Дима после вчерашнего в этом уже сомневался.

— Сейчас поем, — сказал он и взял гренку.

До школы было меньше десяти минут, но в то утро дорога заняла почти вдвое больше. Он постоянно оглядывался, переходил на другую сторону улицы, задерживался возле витрин и всматривался в отражение за своей спиной. Каждый мужчина в кожаной куртке казался одним из тех, со стройки. Каждая медленно ехавшая машина — той самой чёрной машиной.

Микрорайон жил привычной утренней жизнью. Возле гастронома уже стояли несколько мужиков с пивом, хотя магазин едва успел открыться. У автобусной остановки курили старшекласники. Дворник сгребал мокрые листья к бордюру, а у теплотрассы возились двое бездомных. Увидев их, Дима подумал о человеке в чужом костюме и ускорил шаг.

Школа стояла между двумя рядами девятиэтажек, отгороженная от дворов невысоким металлическим забором. Обычная советская трёхэтажка из светлого кирпича, построенная по проекту, который, наверное, повторили сотни раз по всей стране. Центральный вход прятался под широким бетонным козырьком. Ступени растрескались, перила несколько раз перекрашивали поверх старой краски, а на фасаде темнели потёки под водосточными трубами.

Внутри школа выглядела надёжнее, хотя возраст проступал и здесь. Нижнюю половину стен покрывала зелёная масляная краска, верхнюю когда-то белили, но теперь побелка отличалась серым. Деревянные рамы плохо держали тепло, линолеум местами протёрся до основания, на ступенях лежали гладкие от времени каменные плиты. В коридорах пахло мокрой одеждой, мелом, столовой кашей и тряпкой, которой только что вымыли пол.

Здание было пошарпанным, но не разваливающимся. За ним следили, насколько позволяли деньги: прибавляли отваливающиеся панели, меняли перегоревшие лампы, каждое лето красили стены теми красками, которые удавалось достать. Учителя оставались в основном прежними — строгими, уставшими, иногда раздражительными, но знавшими свой предмет. Страна вокруг менялась быстрее школьного расписания. Здесь по-прежнему звенел тот же звонок, дежурные носили повязки, а завуч могла одним появлением прекратить драку на другом конце коридора.

На втором этаже пацаны гоняли ногами пустую пластиковую бутылку. Она с сухим треском ударялась о стены и отскакивала от дверей кабинетов, пока из-за угла не появилась завуч.

— Прекратили немедленно!

Бутылка исчезла так быстро, будто её никогда не было. Один из игроков деловито поправил портфель, другой принялся изучать стенд по гражданской обороне.

Обычно Диму это забавляло. Сегодня он лишь посмотрел на окна в конце коридора.

В классе было душно. Возле батарей сидели в рубашках, возле окон не снимали свитера. На стене висели выцветшие портреты писателей, над доской — таблица падежей, оставшаяся от предыдущего урока. Одноклассники обменивались кассетами, списывали домашнее задание и обсуждали вчерашний фильм. Никто не знал, что произошло всего в нескольких кварталах отсюда.

Дима сел за свою парту и достал учебник.

На первом уроке он не понял почти ничего. Учительница объясняла новую тему, выводила на доске формулы и несколько раз задавала вопросы классу. Обычно ему хватало одного объяснения, чтобы разобраться, но сегодня цифры не желали складываться в осмысленную последовательность. Каждый шорох за дверью казался шагами, а тёмное окно отражало слишком много движений за спиной.

— Дима, повтори, что я сейчас сказала.

Он поднял голову и обнаружил, что весь класс смотрит на него.

— Я не слышал.

— Это я уже поняла. Ты заболел?

— Нет.

Учительница задержала на нём взгляд, но выяснять ничего не стала.

— Тогда постарайся всё-таки вернуться к нам.

С задних парт тихо засмеялись. Что-то мягко ударило Диму в затылок и упало под стул. Скомканная бумажка. Следом прилетела вторая.

— Гля, Бетон опять завис.

— Перегрелся.

Кличка появилась ещё в шестом классе из-за стройки и давно заменила имя для половины класса. Дима промолчал. Обычно он хотя бы запоминал, кто именно начал, чтобы потом не оказаться рядом с этим человеком в пустом коридоре. Сейчас школьные придурки казались почти безобидными. Они могли толкнуть, испачкать одежду или ударить исподтишка. Но они никого не убивали.

На следующем уроке кто-то через пустой стержень от ручки плюнул ему в шею. Дима вздрогнул сильнее, чем следовало, резко обернулся и едва не опрокинул стул.

Класс заржал.

— Тихо! — оборвала учительница. — Ещё один звук с последних парт — и останетесь после уроков.

Смех сразу стих. Дима вытер шею рукавом и снова посмотрел в тетрадь.

— Дебилы, — негромко сказала Наташа.

Лось услышал.

— О-о-о, Наташка Бетона защищает!

— Жених твой, что ли?

Теперь засмеялись уже девочки. Наташа покраснела, что-то сердито буркнула и отвернулась к окну. Дима сделал вид, что ничего не слышал. Вмешаться означало только продлить разговор, а благодарить её при всех было бы ещё хуже.

На перемене он ушёл в конец коридора. Отсюда был виден школьный двор, ворота и часть улицы. Ветер гонял по асфальту мокрые листья и обрывки газет. За оградой стояли несколько машин: старенький москвич, белая шестёрка и чёрная девятка.

Сердце сразу ухнуло вниз.

Дима смотрел на девятку секунд десять, потом ещё столько же. Стёкла отражали небо, салон казался пустым. Наконец из школы вышла учительница начальных классов, открыла машину и положила сумку на заднее сиденье.

Только после этого он смог нормально вдохнуть.

Косяк злился уже вторые сутки.

Он не орал и не срывался на окружающих, а просто ходил мрачнее обычного и курил одну сигарету за другой. Серый предпочёл бы крик. Если человек орёт, понятно хотя бы, когда он начал злиться и когда закончил. Молчание Косяка могло тянуться неделями, постепенно превращаясь в чужие сломанные рёбра.

Они сидели в машине возле пустыря и наблюдали за проломом в бетонном заборе. За последние два часа там появились трое пацанов, мужик с тележкой и две собаки. Нужного мальчишки не было.

— Может, он вообще не местный, — предположил Серый. — В гости к кому-нибудь приехал и уже свалил.

Косяк прикурил от предыдущей сигареты.

— Он по стройке бегал, как по собственной квартире. Местный.

— Ну увидел что-то. И чего? Мелкий же. Обосрётся и будет молчать.

Косяк повернулся к нему.

— Сегодня он молчит. Завтра ляпнет мамке. Мамка — папке, папка пойдёт к ментам. Потом нас закроют из-за какого-то бомжа, которого уже никто не хватится. Оно тебе надо?

Серый пожал плечами. Спорить не хотелось, тем более Косяк был прав.

Хуже всего, что пацан убежал в сторону микрорайона. Не в частный сектор, где три улицы и каждый знает, у кого чей ребёнок, а в несколько десятков одинаковых домов. Дворы переходили один в другой, между ними тянулись гаражи, школы, детские сады и ларьки. В этом лабиринте могли жить тысячи детей, и почти каждый хотя бы раз лазил на заброшенную стройку.

Первые два дня они искали сами. Катались по дворам, торчали возле гаражей, показывались у пролома в надежде, что пацан вернётся. Косяк пытался расспрашивать местных осторожно, не объясняя, кого и зачем ищет. Получалось плохо. Они знали лишь примерный возраст, помнили тёмную куртку и то, что пацан быстро бегал. Под него подходила половина микрорайона.

К вечеру второго дня Серый предложил забыть обо всём. Косяк посмотрел на него так, что предложение больше не повторялось.

На третий день они поехали к Бригадиру.

Офис занимал первый этаж бывшего ателье неподалёку от рынка. На вывеске значилось название фирмы, торговавшей строительными материалами. Фирма действительно существовала: в соседней комнате сидела бухгалтерша, звонил телефон, на складе числились доски, цемент и шифер. Через неё проходили деньги, заключались какие-то договоры и даже исправно платились налоги. Но местные коммерсанты приходили сюда не за цементом.

С улицы окна закрывали вертикальные жалюзи. За первой дверью дежурили двое молодых парней, старательно изображавших сотрудников охраны. За второй находилась приёмная с дешёвым кожаным диваном, электрическим чайником и стойким запахом сигарет. Дальше был кабинет Бригадира.

Роскоши в нём не было. Большой письменный стол, несколько стульев, несгораемый шкаф и карта города на стене. В углу стоял телевизор, накрытый вышитой салфеткой, рядом — видеомаягнитофон. Единственной дорогой вещью казался телефон с маленьким экраном и множеством кнопок.

Сам Бригадир тоже не походил на людей, которых показывали в кино. Никакого малинового пиджака, золотой цепи поверх свитера и показной весёлости. Невысокий крепкий мужчина в тёмных брюках и светлой рубашке выглядел скорее начальником цеха. Волосы были коротко подстрижены, ногти аккуратно обрезаы, на запястье поблёскивали часы. Говорил он негромко и никогда не торопился.

Именно поэтому его боялись.

Косяк рассказал всё от начала до конца. Про мальчишку, хрустнувшее стекло, погоню и дома, между которыми тот скрылся. Серый стоял рядом и смотрел на карту, чувствуя, как с каждой фразой в кабинете становится холоднее.

Бригадир выслушал молча. Только желваки несколько раз проступили на скулах.

— Я правильно понял? — спросил он наконец. — Вы устроили показательную работу, а потом оставили свидетеля?

— Не оставили, — сказал Косяк. — Ушёл он. Темно уже было, а мелкий стройку знает.

— Значит, оставили.

Возразить было нечего.

Бригадир откинулся на спинку кресла и посмотрел сначала на одного, потом на другого. Серому на мгновение захотелось объяснить, что стрелял не он и вообще вся затея с бомжом принадлежала другим людям. Но подобные объяснения здесь только ухудшали положение. Если присутствовал, значит отвечал. Правило было простое и потому удобное.

— Найдём, — пообещал Косяк. — Куда он денется.

— Надеюсь. Ищите тихо. Без беготни по дворам, без стрельбы и без разговоров с теми, кто побежит болтать. Пока этот пацан не добрался до милиции, он ваша проблема. Если доберётся — станет моей.

Бригадир выдержал паузу.

— И вы тоже.

На этом разговор закончился.

Выйдя на улицу, Серый глубоко вдохнул холодный воздух и впервые перестал считать случившееся пустяком.

— Ну что? — спросил Косяк.

— Найдём.

— Теперь правильно думаешь.

К середине недели Диме начало казаться, что за ним следят.

Мужчина в кожаной куртке слишком долго стоял возле хлебного ларька. Двое незнакомых разговаривали у гаражей и замолчали, когда он проходил мимо. Тёмная машина второй вечер появлялась во дворе, хотя никто из соседей на ней не ездил.

Иногда он понимал, что накручивает себя. Тёмные кожаные и дерматиновые куртки носил едва ли не каждый второй мужчина, машины могли принадлежать гостям, а незнакомцы возле гаражей вообще не обратили на него внимания. Разум находил простые объяснения. Страх тут же спрашивал, что будет, если хотя бы один раз разум ошибётся.

По ночам становилось хуже. Теперь Дима просыпался от любого шума и долго лежал, вслушиваясь в подъезд. Однажды поздно вечером во дворе хлопнули дверцы машины. Он резко сел на кровати и потянулся к окну, но выглянуть не решился.

Внизу несколько минут разговаривали мужчины. Потом кто-то засмеялся, двигатель завёлся, и машина уехала. Уснуть после этого уже не получилось.

В школе он держался ближе к людям и старался не оставаться в пустых коридорах. На переменах несколько раз подходил к окну, выходящему на ворота. Чёрной «девятки» больше не было, зато в среду на противоположной стороне улицы появился незнакомый мужчина. Он курил, прислонившись к фонарному столбу, и почти не смотрел на школу.

Именно это настораживало сильнее всего.

Когда прозвенел звонок, Дима спустился вместе со всеми, но выходить не стал. Смешался с учениками младших классов возле раздевалки, потом поднялся обратно на второй этаж. Через окно мужчина уже не был виден.

Он просидел в библиотеке почти час и отправился домой только вместе со второй сменой. Никто его не преследовал.

После этого стало немного легче. Значит, показалось.

На следующий день у гастронома снова стояли двое в кожаных куртках.

Мать первой заметила, что с сыном что-то происходит. Он почти перестал есть, молчал за столом, вздрагивал от звонков в дверь и, что было совсем уж необычно, больше не ходил на стройку.

— Ты заболел? — спросила она однажды вечером.

— Нет.

— Тогда чего такой пришибленный?

На кухне было тесно и жарко. На подоконнике стояли ящики с рассадой, над столом горел старый жёлтый светильник. За стеной кто-то сверлил бетон — в доме постоянно шёл ремонт, словно жильцы пытались по очереди добраться до несущей стены.

Дима долго ковырял вилкой макароны.

— Мам, а если человек что-то плохое увидел?

Она перестала вытирать тарелку.

— Какое ещё плохое?

— Ну... очень плохое.

Мать посмотрела внимательнее.

— Ты опять на стройке своей всякого насмотрелся?

Он промолчал, и она поняла это по-своему.

— Там алкаши, наркоманы, бомжи. Я сто раз говорила, что нечего тебе туда ходить. Провалишься куда-нибудь, и искать никто не догадается.

Дима мог сказать правду прямо сейчас. Мать уже слушала, оставалось только продолжить. Но перед глазами возник мужчина с автоматом, спокойно объяснявший должнику, что произойдёт через неделю. Если рассказать матери, она тоже окажется внутри этой истории. Потом отец. Потом, возможно, учителя и соседи.

Молчание пока принадлежало только ему. Стоило рассказать тайну, и она начала бы жить собственной жизнью. Остановить её было бы уже невозможно.

— Там собака дохлая лежала, — соврал он. — Я сначала подумал, что человек.

Мать с облегчением выдохнула и снова взялась за полотенце.

— Вот и нечего шляться где попало.

Вечером Дима попытался заговорить с отцом.

Тот сидел в комнате перед телевизором и чинил старый кассетный магнитофон. На табуретке лежали отвёртки, паяльник и россыпь винтиков. Из раскрытого корпуса тянулись тонкие цветные провода. Отец время от времени касался контактов щупом и недовольно хмурился.

— Пап...

— А?

— А если бандиты кого-то ищут?

Отец поднял взгляд вверх очков.

— Ты это после новостей, что ли?

— Нет. Просто интересно.

— А что тут интересного?

Дима пожал плечами, стараясь выглядеть безразличным.

— Ну вот ищут они человека. Как он узнает?

Отец отложил отвёртку.

— Если настоящие бандиты кого-то ищут, этот человек обычно узнаёт последним. А может, вообще не узнаёт. Смотря зачем ищут.

Ответ оказался хуже, чем Дима ожидал.

— А милиция?

— Что милиция?

— Может защитить?

Отец некоторое время смотрел на него, затем снял очки.

— Дим, ты во что вляпался?

Сказать правду было почти физически трудно. Слова уже поднялись к горлу, но вместе с ними пришло понимание: отец не станет ждать. Он начнёт расспрашивать, пойдёт на стройку, потом в отделение. Сделает именно то, чего нельзя делать, потому что взрослый мужчина не сможет признать перед сыном, что ему тоже страшно.

— Ни во что. У пацанов разговор был.

Отец ещё несколько секунд изучал его лицо.

— Поменьше слушай всякую чушь. И по стройке не лазай. Там и без бандитов голову проломить можно.

Он снова надел очки и потянулся за отвёрткой.

Дима ушёл в свою комнату, так и не поняв, поверил ему отец или просто решил пока не давить.

После разговора с Бригадиром Косяк перестал полагаться на случай.

Сначала они прошлись по ближайшим дворам. Возле подъездов сидели старухи — эти знали о районе больше участкового. Кто с кем живёт, кто пьёт, у кого сын связался с плохой компанией, чей ребёнок целыми днями шляется без присмотра. Спрашивать требовалось осторожно. Прямой вопрос они запомнили бы навсегда, а случайную фразу через час уже считали собственной догадкой.

Потом пошли по гаражам. Там полезного оказалось меньше, зато люди охотнее разговаривали, если угостить сигаретой или бутылкой пива. Один видел мальчишку, который постоянно лазил на стройку. Другой вспомнил, что тот обычно приходил со стороны девятиэтажек. Третий уверенно назвал два разных дома и многозначительно показал пустую бутылку.

На четвёртый день подключили местную шпану.

Пацаны относились к незнакомым взрослым настороженно, но быстро оттаивали, когда появлялись жвачки, сигареты и мелкие купюры. Косяк описывал свидетеля уже увереннее: примерно такой рост, тёмные волосы, хорошо знает стройку, быстро бегает.

— Худой такой? — спросил один из старших.

— Не то чтобы худой. Обычный.

— На стройке постоянно торчит?

— Допустим.

Пацан задумался.

— Бетон, что ли?

— Какой ещё Бетон?

— Димон. Его Бетоном зовут. Он там всё время лазит.

Дальше дело пошло быстрее. Сначала они вышли на нужный двор, затем вычислили школу. Фамилию никто не знал, зато мальчишку описали достаточно подробно, чтобы узнать при встрече.

Серый два дня торчал возле школьных ворот вместе с лысым парнем из соседней бригады. Утром дети шли сплошным потоком, после уроков выходили несколькими волнами. Все были похожи друг на друга: куртки, ранцы, шапки, одинаково недовольные лица.

На второй день Серый увидел его в окне.

Пацан стоял на втором этаже и смотрел через стекло прямо на них. Даже с улицы было заметно, как он напрягся. Через несколько секунд исчез.

— Э тот? — спросил лысый.

Серый кивнул.

Они прождали почти час, но мальчишка не вышел. Видимо, сообразил отсидеться в школе до второй смены.

Серый усмехнулся.

— Неглупый.

На следующий день они уже знали, в каком подъезде он живёт. Ещё через день выяснили примерный распорядок семьи. Отец уходил утром и возвращался после шести. Мать работала по сменам. Сам пацан после школы почти не выходил из дома.

Косяк запретил лезть в квартиру. Соседи запомнят чужих людей, мальчишка может закричать, а в подъезде слишком мало места для случайностей. Проще дожидаться, когда он останется один.

— И что с ним делать будем? — спросил Серый.

— Сначала заберём.

— А потом?

Косяк посмотрел на него без всякого выражения.

— Потом будет потом.

Больше Серый не спрашивал.

К пятнице Дима перестал сомневаться.

Мужчину возле школы он видел раньше. Не лицо — на стройке было слишком темно, — но фигуру, манеру стоять, чуть наклонив голову, и короткое движение, которым тот отбрасывал сигарету. Возможно, каждая отдельная деталь ничего не доказывала. Все вместе они почти не оставляли места надежде.

Его действительно нашли.

От этой мысли страх изменился. Всю неделю он был бесформенным, прятался в каждом тёмном окне и случайном прохожем. Теперь у него появились лица, машина и терпение. Эти люди не бросались на него среди белого дня. Они наблюдали, ждали и наверняка уже знали, где он живёт.

Дима перебрал все возможные решения.

Можно рассказать родителям, но тогда отец пойдёт в милицию. Можно самому обратиться к учителю или участковому, но вопрос останется тем же: что произойдёт после разговора? Бандиты не исчезнут только потому, что взрослый записал его слова в тетрадь. Можно не выходить из дома, однако рано или поздно придётся идти в школу, магазин или просто вынести мусор.

Уехать было некуда.

Оставалось ждать и надеяться, что им нужно лишь напугать его. Эта надежда звучала особенно глупо, потому что Дима уже видел, как именно они пугают людей.

В субботу мать отправила его за хлебом и молоком.

Он несколько минут стоял в прихожей, медленно завязывая шнурки. Потом проверил лестничную площадку, спустился на один этаж и посмотрел через окно. Двор казался пустым. Возле подъезда разговаривали две женщины, мальчишки катались на велосипедах, у дальней лавки возился с машиной сосед.

Всё было спокойно.

Дима вышел из подъезда, сунул сложенную авоську в карман и направился к ларькам. Он почти убедил себя, что сегодня никого не будет, когда увидел через дорогу две чёрные кожаные куртки.

Один мужчина курил. Второй смотрел прямо на него.

Это были Косяк и тот, кто помогал ему тащить мертвеца.

Дима узнал обоих сразу. Внутри мгновенно исчезли все сомнения, осталась только ледяная уверенность.

Косяк что-то сказал напарнику. Они выбросили сигареты и двинулись через дорогу.

Дима пошёл быстрее.

Пока не бежишь, всё ещё можно притворяться, что ничего не происходит. Двое мужчин просто идут в ту же сторону. Ты просто спешишь в магазин. Вокруг люди, машины, открытые окна. Никто не станет хватать ребёнка посреди двора.

Позади ускорились шаги.

— Эй, пацан! Стой, поговорить надо!

Он побежал.

Миновал соседний дом, перескочил через низкое ограждение палисадника и свернул между гаражами. Сзади послышался топот. Один из преследователей выругался, другой крикнул, чтобы обходили справа.

Дима не выбирал дорогу. Тело само вспоминало знакомые проходы: узкую щель между гаражами, трубу теплотрассы, тропинку через заросший пустырь. Он был легче и быстрее взрослых, но те не отставали. Они заранее знали, куда он может свернуть, и старались отрезать путь обратно к домам.

Впереди показался бетонный забор.

Дима увидел знакомый пролом и только тогда понял, куда привела его привычка искать спасение там, где можно спрятаться от всего остального мира.

Он снова бежал на стройку.

Глава 3

За бетонным забором всё оказалось знакомым: те же заросшие котлованы, серые плиты и недостроенные дома, между которыми он провёл столько дней. Раньше Дима мог пройти стройку насквозь почти не задумываясь. Теперь знакомые проходы складывались в ловушку.

Он проскочил между штабелями плит и свернул к крайнему дому, рассчитывая оторваться на узкой тропинке вдоль котлована. Взрослым пришлось бы обходить торчащие трубы, а он знал, куда ставить ноги. Несколько секунд позади слышался только топот двоих преследователей, затем справа, из-за бетонной опоры, появился ещё один мужчина.

Тот не бежал следом. Он уже ждал здесь.

Дима резко изменил направление и едва не поскользнулся на мокром щебне. Возле пролома в дальнем заборе мелькнула ещё одна чёрная куртка. За гаражами загудел автомобиль. Люди появились именно там, куда он обычно уходил со стройки.

Только теперь стало понятно: его не просто преследовали. Всю дорогу от дома направляли сюда, оставляя свободным тот путь, который он должен был выбрать сам.

Паника требовала бежать быстрее, но привычка думать пока держалась. Через котлован не пройти: после дождей на дне стояла вода, а глинистый склон осыпался под ногами. Между двумя дальними домами лежала плита, по которой можно было перебраться через траншею, но там его уже ждали. Оставался недостроенный корпус в центре стройки.

У него было два лестничных пролёта и выход в подвал. Если подняться на второй этаж, пересечь здание и спуститься с противоположной стороны, можно выскочить к пустырю раньше, чем преследователи успеют обойти стены.

Дима юркнул в тёмный подъезд.

После улицы внутри почти ничего не было видно. Под ногами хрустело стекло, из пустых квартир тянуло сыростью и старой мочой. Где-то наверху с равными промежутками хлопал лист железа. Мальчишка взлетел по первому лестничному маршу, придерживаясь рукой за шершавую стену, и только на площадке понял, что второй выход тоже перекрыт.

Внизу, за сквозным проёмом, промелькнул мужчина. Он вошёл с другой стороны дома и теперь двигался навстречу.

— Вверх пошёл! — крикнул кто-то снаружи.

Ответ донёсся сразу с двух сторон.

Дима бросился дальше по лестнице.

Сердце билось где-то в горле, воздуха не хватало. В груди кололо после бега, мокрая рубашка липла к спине, но останавливаться было нельзя. Он перепрыгивал через две ступени, скользил на бетонной крошке и каждый раз успевал схватиться за стену прежде, чем потерять равновесие.

На втором этаже можно было уйти по длинному коридору и перебраться в соседнюю секцию через оконный проём. Дима уже не раз проходил там, балансируя по широкой плите. Сегодня возле дальнего конца плиты поднимался человек в кожаной куртке.

Пришлось возвращаться к лестнице.

Снизу приближались тот, кого на стройке называли Косяком, и его напарник. Они не торопились так, как в начале погони. Теперь им незачем было догонять мальчишку: остальные перекрыли выходы, а каждый новый этаж оставлял ему всё меньше места.

— Стой! — крикнул Косяк. — Только хуже делаешь!

Дима ничего не ответил. На стройке они тоже обещали должнику неделю, прежде чем показать, как убивают людей. Разговаривать с ними имело смысл лишь до тех пор, пока они не решили, что ты им мешаешь. После этого любые слова становились частью спектакля.

На третьем этаже мальчишка попытался выбраться через квартиру без наружной стены. Отсюда до земли было ещё не слишком высоко, а вдоль фасада тянулась куча песка. Если повиснуть на краю плиты, а потом спрыгнуть, можно отделаться ушибами.

Он лёг на живот и посмотрел вниз.

У песчаной кучи дежурил ещё один преследователь. Пистолет он держал опущенным вдоль бедра, а свободной рукой показывал кому-то в сторону подъезда.

Дима отполз от края, пока его не заметили.

Они подготовили стройку заранее: поставили людей возле выходов, разошлись по этажам и оставили единственную дорогу наверх. Там можно было взять его без свидетелей, криков из окон и случайных прохожих.

Впервые за всю неделю страх сделался совершенно простым.

Эти люди собирались его убить.

Не припугнуть и не спросить, кому он успел рассказать. Для этого хватило бы школьных ворот или тёмного угла во дворе. На стройке, среди пустых домов, никто не увидит, что произошло. Его сбросят с этажа, и все решат, что мальчишка сам полез куда не следовало и сорвался. Мать будет вспоминать, сколько раз запрещала ходить на стройку, отец — молчать и винить себя за то, что ничего не заметил.

А он больше никогда их не увидит.

Эта мысль оказалась страшнее пистолета.

Дима поднялся и побежал дальше.

На четвёртом этаже путь в соседнюю секцию пересекал широкий проём: лестничный марш здесь так и не установили. Раньше пацаны перебирались на другую сторону по двум узким балкам, но сейчас Дима даже не стал пробовать. Ноги дрожали, ладони были мокрыми, а до земли оставалось слишком далеко. Один неверный шаг решил бы за бандитов всю работу.

Снизу грохотали ботинки. Преследователи поднимались с двух сторон и перекликались короткими фразами. Голоса звучали спокойно. Они знали, что спешить некуда.

Дима добрался до последнего этажа.

Лестничный марш заканчивался широкой площадкой, от которой в обе стороны расходились будущие квартиры. Над головой лежала плита перекрытия. Дальше не было ни ступеней, ни выхода на крышу. Только голый бетон, чёрные оконные проёмы и открытый край этажа.

В одном помещении зияла узкая техническая шахта. Местные пацаны иногда спускались по ней между этажами, цепляясь за оставленные строителями скобы, но сейчас Дима не решился. Ноги дрожали слишком сильно. Последняя комната заканчивалась обрывом: наружную панель не установили, а за краем плиты начиналась пустота.

Идти оставалось только назад, к лестнице.

Дима вернулся к площадке и услышал приближающееся дыхание. Кто-то поднимался последним пролётом, цепляя ботинками щебень. Ниже двигались ещё двое.

Отступая, мальчишка наступил на ржавый прут арматуры. Железо перекатилось по бетону с неожиданно громким звоном. Он наклонился и поднял его обеими руками.

Прут был тяжёлым и неудобным, почти в его рост. Один конец покрывала ржавчина, второй загибался коротким крюком. Дима не собирался драться. Хотел только заставить первого преследователя отойти и освободить лестницу хотя бы на несколько секунд.

Если удастся проскочить мимо, он снова сможет бежать.

Напарник Косяка появился на площадке первым. Лицо покраснело, ворот рубашки растегнулся, но дышал он заметно ровнее мальчишки. Увидев арматуру, мужчина остановился и усмехнулся.

— Всё, набегался.

Дима выставил прут перед собой.

— Не подходите.

Голос прозвучал тонко и хрипло. Угроза не получилась.

Снизу показался Косяк.

— Серый, не торопись. Возьмём вдвоём.

Тот коротко оглянулся и снова посмотрел на мальчишку. Ухмылка исчезла. Вероятно, ему не понравилось, что напарник решил командовать именно сейчас.

— Да чего его брать?

Бандит, которого Косяк назвал Серым, стоял между Димой и лестницей. В нескольких метрах справа от него зиял широкий проём на месте наружной стены.

Он шагнул вперёд.

Дима отступил, держа арматуру перед собой. Прут заметно дрожал в руках.

— Не подходите, пожалуйста.

Мужчина протянул руку к железу. Дима махнул прутom сверху вниз, не пытаясь попасть, а только желая заставить его отойти. Арматура прошла в полуметре от Серого, но того словно толкнули в грудь. Он отступил на два шага и устоял.

Несколько секунд Серый смотрел то на прут, то на пустое пространство между ними. Потом снова двинулся вперёд и замахнулся.

Дима развернулся всем корпусом и обеими руками махнул арматурой слева направо. Прут опять прошёл мимо.

Серого отбросило по ходу движения арматуры — вправо, прямо к открытому проёму. Его оторвало от пола, пронесло несколько метров и выбросило наружу.

Снизу донёсся глухой удар.

Арматура выскользнула из рук Димы и со звоном легла на бетон.

Он смотрел на пустой проём, не решаясь подойти ближе. Только что там стоял человек — живой, злой, готовый ударить. Теперь его не было.

Железо даже не коснулось Серого. И всё же мужчина полетел вниз именно тогда, когда Дима махнул прутom. Он хотел оттолкнуть противника, освободить себе дорогу, но не рассчитывал на такую силу и не понимал, откуда она взялась.

Объяснение не имело значения. Серый упал с пятого этажа. Дима не сомневался, что тот погиб.

Дима убил человека.

С лестницы донёсся шум. Косяк стоял на верхней ступени и смотрел на пустой проём. Услышав крики снизу, он вздрогнул и перевёл взгляд на мальчишку.

Несколько секунд оба не двигались.

Потом Косяк бросился вперёд.

Дима попятился, выставив перед собой пустые руки. Нагнуться за арматурой он не успевал. Нападавший уже потянулся к его куртке, когда невидимый толчок отбросил его назад.

Косяк впечатался спиной в стену, упал вперёд и затих.

На лестнице появились ещё двое. Передний остановился рядом с Косяком, а шедший следом сразу достал пистолет.

Дима увидел чёрный провал ствола.

Неделю назад у него на глазах человека застрелили из автомата. Теперь пистолет направили на него.

Мальчишка вскинул руки, закрывая лицо.

Пистолет резко дёрнулся в сторону. Выстрел ударил по ушам, рядом брызнула бетонная крошка. Стрелок попытался вернуть оружие на линию прицела, но его рука словно застряла в воздухе.

Второй мужчина двинулся к Диме, пригнувшись и растопырив руки. Он явно собирался схватить мальчишку, не приближаясь к упавшей арматуре.

Дима отступил ещё на шаг.

Страх смешался с отчаянным желанием, чтобы все трое просто оставили его в покое. Воздух перед ним дрогнул. Мужчину толкнуло назад, прямо на стрелка. Оба потеряли равновесие и навалились на перила. Пистолет выпал и застучал по ступеням.

Этого хватило.

Дима развернулся и побежал в глубину этажа. Позади ругались, звали Серого и требовали поднять оружие. Косяк уже очнулся и тоже кричал, но никто пока не бросился следом.

К обычному выходу возвращаться было нельзя. Там оставались люди, а после выстрела к дому наверняка стягивались остальные.

Оставалась только техническая шахта, в которую он не решился полезть несколько минут назад. Теперь выбирать не приходилось.

Дима вернулся к шахте и полез вниз. В темноте пришлось двигаться почти на ощупь, обдирая ладони о бетон. Сверху гремели шаги. Преследователи обыскивали этаж, но пока не понимали, куда он исчез.

Добравшись до подвала, мальчишка несколько раз свернул между стенами и вскоре увидел впереди тусклый свет. Узкое отверстие вывело его наружу за грудой плит.

Люди у забора смотрели в сторону главного входа. После выстрела всё внимание было приковано к дому, и на мальчишку, появившегося с противоположной стороны, никто не обратил внимания.

Дима пригнулся, обошёл плиты и добрался до зарослей. Бурьян сомкнулся за спиной, скрывая его от стройки.

Только там он снова побежал.

Он не помнил, как пересёк пустырь и прошёл между гаражами. Несколько раз спотыкался, один раз упал на колени, но сразу поднялся. В груди жгло, во рту появился металлический привкус. Казалось, сзади до сих пор слышны шаги, хотя стройка давно скрылась за домами.

Остановился Дима возле ларьков.

На улице уже смеркалось, но возле ларьков былолюдно. Под козырьками горели лампы, покупатели спорили из-за сдачи, возле пивного ларька смеялись мужики. По дороге медленно полз автобус. Женщина с коляской выбирала яблоки, двое детей делили шоколадку. Никто не смотрел в сторону стройки.

Обычный вечер продолжался так, будто там не лежал Серый, не стонали раненые и выстрел не оставил выбоину в бетонной стене.

Дима согнулся, упёрся ладонями в колени и попытался отдышаться. Его трясло, перед глазами темнело. В памяти снова возник человек, перелетающий через низкий край этажа.

Он убил его.

Слова не помещались в голове. Дима повторил их про себя ещё раз, но они остались чужими. Убийцами были люди в кожаных куртках. Они возили автоматы, переодевали бездомных и устраивали спектакли для должников. Обычный школьник мог случайно разбить окно, подрасть или стащить деньги из маминого кошелька.

Обычный школьник не сбрасывал взрослых мужчин с пятого этажа, не касаясь их.

Спешивший к остановке мужик задел Диму плечом, недовольно обернулся и пошёл дальше. Мальчишка отступил к ларьку и машинально проверил карман. Деньги были на месте.

Тогда он вспомнил, зачем вообще вышел из дома.

Мать просила купить хлеб и молоко.

Поручение казалось пришедшим из другой жизни, хотя прошло не больше получаса. Если вернуться без покупок, придётся объяснять, куда он ходил. Мать увидит грязную одежду, ободранные ладони и сразу поймёт, что произошло что-то серьёзное.

Поймёт не всё — но достаточно, чтобы появились вопросы.

Дима достал сложенную авоську и подошёл к освещённому окошку.

— Буханку хлеба, — сказал он и не узнал собственного голоса. — И молоко.

Продавщица назвала сумму. Он дважды пересчитал монеты, хотя обычно справлялся сразу, положил покупки в сетку и отошёл.

Мягкий пакет молока холодил ладонь, хлеб сквозь сетку отдавал теплом. Эти простые ощущения удерживали мир на месте надёжнее любых объяснений.

Дима направился домой, стараясь идти спокойно.

Бежать больше было незачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.